

П. А. ДРУЖИНИН

О КНИЖНЫХ ЗНАКАХ
ДВОРЦОВЫХ БИБЛИОТЕК

ЕКАТЕРИНЫ II
ПЕТРА III
БИБЛИОТЕКИ ЭРМИТАЖА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ТРУТЕНЬ»
2014

УДК 097+929.6
ББК 63.2+76.1
Д 11

Дружинин, Петр Александрович

О книжных знаках дворцовых библиотек (Екатерины II, Петра III, библиотеки Эрмитажа) / П. А. Дружинин // «Тихие песни»: / ист.-лит. сб. ст. к 80-летию Л. М. Турчинского / Отв. ред. А. Л. Соболев. – М. : Трутьень. 2014.

Отдельный оттиск. – 32 с.: ил. – 60 экз. – ISBN 978-5-904007-12-6

В настоящей работе автор с привлечением архивного и ранее неизвестного документального материала рассматривает книжные знаки императрицы Екатерины II на предмет их подлинности и истинного происхождения; обнаружит неизвестные сведения из архива Государственного Эрмитажа о первом книжном знаке, отпечатанном для Эрмитажного собрания при императоре Николае I; здесь же впервые публикуется ранее неизвестный гравированный книжный знак библиотеки Петра III – единственный безусловно подлинный экслибрис русского монарха XVIII века, причем по неизвестным документам архива Академии наук прослеживается история его создания.

LXXX

П. А. Дружинин

О КНИЖНЫХ ЗНАКАХ ДВОРЦОВЫХ БИБЛИОТЕК (ЕКАТЕРИНЫ II, ПЕТРА III, БИБЛИОТЕКИ ЭРМИТАЖА)

Вопрос о том, имела ли Екатерина II книжный знак собственной библиотеки, давно служит предметом полемики. Впрочем, слово «полемика» не полностью отражает ситуацию: дело в том, что специалисты по истории библиотек придерживаются той точки зрения, что собственного книжного знака государыня не имела, поскольку на книгах, безусловно происходящих из ее библиотеки, не отмечается никаких печатных ярлыков или экслибрисов. Определяется же происхождение екатерининских книг преимущественно по инвентарным пометам (сангиной) придворного библиотекаря А. И. Лужкова¹, реже – по особым переплетам, но уж точно не по экслибрисам.

Тем не менее, известны два гравированных знака, которые претендуют на звание экслибриса Екатерины II. Изображения их, особенно первого, многократно перепечатывались, а в 2003 году вошли в справочник «Книжные знаки семьи Романовых»². И хотя тот довод, что эти знаки не выявлены на книгах императрицы, –

¹ Недавно сотрудник Эрмитажа Д. И. Озерков отыскал и трехтомный рукописный каталог библиотеки императрицы, составленный А. И. Лужковым (см.: Собрание чудное сокровищ книжных. Библиотеке Эрмитажа 250 лет: Каталог выставки / Гос. Эрмитаж. СПб, 2012. С. 336–337), решив тем самым давний вопрос о подлинном составе ее библиотеки.

² Худoley В. В. Книжные знаки семьи Романовых. СПб., 2003. Илл. на с. 179, 180.

серьезен, но он подтверждает лишь то, что эти знаки не применялись массово. Для окончательного же решения вопроса требуется более веский аргумент (собственно, неоспоримое доказательство), каковым может служить только одно – точное указание источника, откуда эти гравюры происходят. Без этого любые доводы остаются лишь сотрясением воздуха.

Изложить свои мысли по указанному вопросу нас подтолкнула статья в журнале Национального союза библиофилов³ с пространным комментарием к ней⁴; оба текста возмутили нас как своим безапелляционным тоном и чрезмерным пафосом, так и нагромождением странных тезисов⁵. В сущности, эта публикация представляет собой квинтэссенцию «библиофильской научной прозы» – жанра последних лет, счастливым исключением из которого является наш уважаемый юбиляр. И хотя точка зрения авторов, будто оба этих знака являются вырезками неизменно откуда, нами не будет оспариваться, мы вынужденно будем полемизировать с «доказательствами» библиофилов.

Также сразу оговоримся, что мы не коснемся в нашем тексте геральдических суперэклибрисов (тисненых знаков на книжных переплетах), которые приписывались библиотеке Екатерины II, поскольку считаем вопрос решенным. Это, во-первых, «суперэклибрис Царскосельской библиотеки» Екатерины II⁶, который в действительности есть неверно атрибутированный знак великой княгини Марии Федоровны⁷; и, во-вторых, императорские гербы на нескольких книгах бывшего Эрмитажного собрания, которые изначально не носили характера эклибриса (то есть знака книговладения), а являлись украшением переплетов особых экземпляров, предназначенных Екатерине II⁸.

³ Батлер У. Э. Эклибрисы Екатерины Великой // Библиофильские известия. М., 2012. № 14. С. 5–11.

⁴ Бердичевский Я. И. Комментарий к статье У. Э. Батлера «Эклибрисы Екатерины Великой» // Библиофильские известия. М., 2012. № 14. С. 12–14.

⁵ Кроме тех, которых мы коснемся в тексте, обращает внимание эрудиция автора в области русских книжных знаков XVIII века: он без тени сомнения называет знак Петербургской Медицинской Коллегии елизаветинской эпохи, выполненный Иоганнесом ван дер Спайком (Johannes van der Spuyck; работал в 1736–1761 гг.), «эклибрисом Медицинской коллегии в Риге» и относит его к эпохе Екатерины II (Батлер У. Э. Указ. Соч. С. 6) и др.; рецензент приводит воспроизведения «фамильных гербов Оболенских и Румянцевых», тогда как это не фамильные, а личные дворянские гербы – М. А. Оболенского и Н. П. Румянцева, на что указывают многочисленные ордена владельцев (Бердичевский Я. И. Указ. Соч. С. 14).

⁶ Герасимова Е. В. Императорские и великокняжеские собрания в РНБ. СПб., 2008. С. 6.

⁷ Дружинин П. А. Геральдика и редкая книга. М., 2014. Т. 1. С. 241–242.

⁸ Королев С. В. Книги с «суперэклибрисами» императрицы Екатерины II из собрания бывшей Эрмитажной иностранной библиотеки. Часть I. // Про кни-

Сверх того, пользуясь поводом, мы прибавили к повествованию о книжных знаках Екатерины II еще два сюжета – о неизвестном ранее книжном знаке Петра III, а также об обстоятельствах появления первого книжного знака Эрмитажной библиотеки.

I

Первый гравированный знак, который приписывается библиотеке Екатерины II, стилизован под реверс медали (*илл. 1*). Впервые он был воспроизведен в январе 1899 года без всякой аннотации, с подписью «Библиотечный знак императрицы Екатерины II»⁹. В 1900 году иллюстрация попадает в «Историю русской словесности» П. Н. Полевого («Ex-libris библиотеки императрицы Екатерины II»)¹⁰, и в 1902 этот знак воспроизводит в своей брошюре главный специалист по книжному знаку в дореволюционной России – У. Г. Иваск¹¹. В этих публикациях не указаны ни автор, ни размер, ни местонахождение знака.

Летом того же 1902 года выходит книга видного петербургского исследователя и коллекционера В. А. Верещагина «Русский книжный знак», в котором это воспроизведение сопровождается указанием имени художника – «грав[ирован] Шенбергом»¹². В соответствующем разделе приводится и описание: «Аллегорических и вообще художественных ex-libris'ов у нас чрезвычайно мало. Наши собиратели не особенно, по-видимому, любили ломать себе голову над их составлением. Один из наиболее интересных старинных знаков этого рода принадлежит императрице Екатерине II; он имеет вид медали с изображением стен библиотеки и стоящего перед ними стола, на котором положен экземпляр Наказа, прикрытый украшенным перьями шлемом; на столе надпись "Ruthenica", а наверху вокруг медали – "Auspiciis Minervae"»¹³. И хотя автор не упоминает в тексте имени художника, он в конце книги упоминает о местонахождении оригинала – собрание «братьев Вольф»¹⁴.

Мы склонны полагать, что это собрание не всех троих братьев, а только одного – редактора «Известий» Людвиг Маврикиевича

ги: Журнал библиофила. М., 2007, № 3. С. 112–118; То же. Часть II // Там же. М., 2008, № 3. С. 109–114.

⁹ *Лейнинген-Вестербург К. Э.* Об ex-libris'ах вообще и о русских ex-libris'ах в частности // *Известия книжных магазинов Товарищества М. О. Вольф.* СПб, 1899. № 4 (январь). С. 70, рис. 1.

¹⁰ *Полевой П. Н.* История русской словесности с древнейших времен до наших дней. СПб, 1900. Т. 2. С. 27.

¹¹ *Иваск У. Г.* О библиотечных знаках или так называемых ex-libris'ах, по поводу 200-летия их применения в России, 1702–1902. М., 1902. С. 22, рис. 17.

¹² *Верещагин В. А.* Русский книжный знак. СПб, 1902. С. 35, рис. 46.

¹³ *Там же.* С. 65–66.

¹⁴ *Там же.* С. 83.

Илл. 1 – Книжный знак Екатерины II
(с воспроизведения 1899 года)

Вольфа (1865–?)¹⁵; по крайней мере, У. Г. Иваск позднее упоминал, что именно он «является едва ли не первым по времени собирателем ex-libris'ов в России»¹⁶.

Таким образом, можно предположить, что в отличие от У. Г. Иваска, В. А. Верещагин все-таки сумел ознакомиться с этой гравюрой de visu, но и каким-то образом установил имя художника. Обращает внимание и тот факт, что художник указан безусловно, а не предположительно (как иногда делал В. А. Верещагин, приписывая некоторые особенно выдающиеся экслибрисы, скажем, Г. И. Скородумову). Хронологически же такая атрибуция приемлема – немец Христан Шенберг (Christian Gotthelf Schönberg; 1760, Dresden – 1800-е, Leipzig) работал в России в 1790-е годы.

В дальнейшем, уже с упоминанием имени художника, гравюра пополнила в 1905 году капитальный труд У. Г. Иваска «Русский книжный знак»¹⁷, была воспроизведена в каталоге библиофильской

¹⁵ Не более чем фантазией является версия В. В. Худодея: «Думаю, что М. О. Вольф, который собирал экслибрисы и был крупным библиофилом, видел эту виньетку на книге и справедливо отнес ее корпусу книжных знаков» (Худодей В. В. Указ. Соч. С. 24); поскольку Маврикий Осипович Вольф (1825–1883) давно умер, да и экслибрисы он не собирал.

¹⁶ Иваск У. Г. Литература о книжных знаках (ex-libris). М., 1918. С. 3.

¹⁷ Иваск У. Г. Описание русских книжных знаков (ex-libris). М., 1905. [Вып. 1]. Табл. 9.

выставки 1914 года¹⁸ (в число устроителей которой входил В. А. Верещагин) и воспринималась как безусловный символ книжного собрания Екатерины II. Впрочем, нельзя не отметить, что эта замечательная гравюра по своей лаконичности и смысловой цельности как никакая другая соответствует нашему представлению о возможном книжном знаке просвещенной государыни.

Из сказанного может сложиться впечатление, будто крупнейшие исследователи книжного знака наперебой бросились воспроизводить этот уник, даже не удосужившись убедиться в его подлинности. Порой эта мысль излагается и более художественно: «Вольф опубликовал, камергер Верещагин на лету [sic!] подхватил, Иваск, великий Иваск, увы, не изучив вопроса, поверил камергеру, и пошло-поехало»¹⁹. Думается, такие скорые выводы (не говоря уже о фантазиях типа «поверил камергеру», поскольку работа У. Г. Иваска вышла двумя месяцами ранее труда В. А. Верещагина²⁰) не имеют под собой достаточных оснований. Попробуем изложить свою точку зрения.

Дело в том, что оба исследователя (и У. Г. Иваск, и В. А. Верещагин) просто не имели возможности проверить подлинность этой атрибуции, поскольку доступ в Собственные его императорского величества библиотеки был если не полностью закрыт, то крайне затруднен, и давался самим императором на основании представления лиц, руководивших Министерством императорского двора. То есть мало того, что дело должен был разрешить сам государь, но кто-то должен был счесть его важным для доклада императору. (Возможно, если бы В. А. Верещагин был пожалован камергером двора ранее, а не в том же 1902 году, то он получил бы доступ без особенных сложностей, но нет уверенности, что он бы смог легко выделить там книги императрицы). Но простым смертным было не войти в эту святая святых: «Доступ посторонних научных исследователей в императорскую библиотеку в XIX и XX вв. был крайне затруднен и ограничен. Разрешения на занятия над историческими материалами этих библиотек до 1845 г. не имел никто, в 1845 г. получил разрешение только один человек, затем, до 1882 г., не было допущено ни одного посетителя, с 1882 по 1887 г. библиотеку посетило по одному человеку в год, а далее, до 1914 г., ежегодное среднее количество посетителей колебалось от одного до пяти человек, но были годы, когда не бывало и ни одного

¹⁸ Русская и иностранная книга XV-XIX века / Кружок любителей русских изящных изданий: [Каталог выставки]. СПб, 1914. С. 126.

¹⁹ Бердичевский Я. И. Указ. Соч. С. 13.

²⁰ Книга У. Г. Иваска имеет цензурное разрешение от 7 мая 1902; В. А. Верещагина - 21 июня 1902 (вышла в свет в начале июля - экземпляр директору Публичной библиотеки Д. Ф. Кобеко автор поднес 10 июля 1902 - см. экз. РНБ шифр 18.340а. 6.33).

читателя»²¹. Среди исключений, о которых не сказано, можно упомянуть разве что А. С. Пушкина, который был допущен в 1832 году с разрешения Николая I для осмотра книг библиотеки Вольтера, размещенной тогда в Эрмитаже.

В нашем случае трудность была практически непреодолимой: когда речь шла о конкретной рукописи или книге, то еще можно было получить доступ (при наличии, как говорят ныне, «мотивированного отношения») и благорасположения придворного ведомства – так, например, В. И. Саитов работал в архиве Зимнего дворца с пушкинскими рукописями после просьбы Академии наук; А. Я. Головин и В. Э. Мейерхольд осматривали библиотеку по ходатайству Дирекции императорских театров и т.д.); но для длительного поиска по книжным шкафам «вслепую» – крайне сомнительно.

Хотя нам и известно, что именно в начале XX века предпринимались попытки отыскать книги Екатерины II. Связано это с академическим проектом по изданию собрания сочинений императрицы. Впервые мысль о необходимости такого издания была рассмотрена Отделением русского языка и словесности 2 января 1868 года – в этот день председательствующий в ОРЯС академик Я. К. Грот зачитал план собрания сочинений, подготовленный М. Н. Лонгиновым и переданный через князя П. А. Вяземского²². Но все ограничилось одними планами, а действительная подготовка началась позже А. Н. Пыпиным (первый том вышел лишь в 1901 году). И вот тогда академиком показалось важным обратиться к книгам государыни; в результате 31 мая 1903 года неперемный секретарь императорской Академии наук, военный историк Н. Ф. Дубровин представил следующее отношение: «По поручению Конференции императорской Академии наук имею честь покорнейше просить Собственную его императорского величества библиотеку не отказать сообщить, находятся ли ныне в составе означенной библиотеки книги, принадлежавшие императрице Екатерине II»²³.

Еще одна трудность состояла в том, что к началу XX столетия большинство императорских библиотек XVIII века уже не сохранились отдельно (за исключением, пожалуй, Гатчинской библиотеки императора Павла I); все они оказались поглощены библиотеками последующих императоров, причем без особенного внимания к мемориальной составляющей таких поглощенных собраний.

²¹ Мурзанова М. Н. К истории библиотеки Петра I // Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л., 1956. Вып. I. С. 12.

²² СПФ АРАН. Ф. 1. Оп.1. Д. 146. Л. 20.

²³ Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 2. Оп. 14-а (1903 г.). Д. 7. Л. 32.

При Александре I, когда в 1810-х годах Эрмитажная библиотека перемещалась, никому не было особенной нужды заботиться о сохранности или порядке книг, что приводило к постоянным утратам: книги «брошены и навалены были в кучу, просто в галерее под рогожами по невозможности в получении ящичков для укладки оных в настоящем порядке, так что никоим образом сберечь их было нельзя»²⁴. При Николае I для книг было уже две беды – во-первых, часть из них сильно повредил пожар 17 декабря 1837 года в Зимнем дворце; во-вторых, впоследствии была опять введена иная расстановка, когда в связи со строительством комплекса зданий Нового Эрмитажа книги перемещались и переставлялись в новые шкафы. Тогда же, в соответствии со вкусом государя, барон М. А. Корф буквально «выторговал» несколько разделов Эрмитажной библиотеки в обмен на средневековые иллюминированные рукописи, которые Николай I возжелал видеть в витринах Нового Эрмитажа. Часть книг бывшей библиотеки Екатерины II и вовсе осела в отделениях Эрмитажа, составив таким образом основания для ныне существующих библиотек научных отделов музея. По сути, единственным цельным комплексом, который хотя и с серьезными утратами, но сохранился после бесконечных нововведений Николая I, оказалась библиотека Вольтера, первоначально едва не разделившая участь остальных книжных собраний. В 1861 году библиотека Вольтера, вместе со значительной частью Иностранной библиотеки Эрмитажа, была перевезена в Публичную библиотеку²⁵. Но большая часть отдельных книжных собраний, вливавшихся в дворцовую библиотеку при Екатерине II, как, например, призрачная библиотека Дидро – оказались практически полностью рассеянными в результате такого отношения.

В любом случае, в 1903 году даже хранители дворцовых библиотек не знали где искать принадлежавшие императрице

²⁴ Павлова Ж. Императорская библиотека Эрмитажа. 1765–1917. Тenaflы, 1988. С. 65.

²⁵ Ср.: «В ноябре 1861 года Высочайше повелено: из имеющихся в Эрмитаже библиотек оставить в оном лишь те издания, кои относятся собственно до изящных искусств, истории их и археологии, а также Библиотеку русскую, для придворнослужителей учрежденную; за тем все прочие книги и рукописи этих библиотек, с Вольтеровскою включительно, передать в императорскую Публичную библиотеку. Оказавшиеся для сей последней не нужными книги поступили впоследствии, с высочайшего разрешения, в Московскую Публичную библиотеку. Г[осподин] обер-гофмаршал граф Шувалов, донося об исполнении вышеозначенного Высочайшего повеления, присовокупил между прочим, что из числа классических авторов, сочинений энциклопедических, исторических и литературных оставлены в Эрмитажной библиотеке такие, которые признаются необходимыми для ученых изысканий в 1-м отделении Эрмитажа». (РГИА. Ф. 472. Оп. 19 (1862 г). Д. 71. Л. 489–489об.).

книги. То есть они полагали, что их следует искать точно не в Эрмитаже. Это и было указано в ответе хранителя царских библиотек Василия Васильевича Щеглова (1851–1917) в Академию наук: «Считаю долгом уведомить, что в Собственных его императорского величества библиотеках книг, принадлежавших императрице Екатерине II, не находится, и что печатные издания, хранившиеся в библиотеке императорского Эрмитажа, сколько мне известно, были переданы в императорскую Публичную библиотеку»²⁶.

Ситуация в императорской Публичной библиотеке была не лучше: там, за исключением библиотеки Вольтера, также не сохранялось цельных комплексов – места для книг недоставало всегда; и поступления распределялись уже в соответствии с библиотечной, так называемой крепостной, расстановкой; причем когда в результате передачи неминуемо образовывались дублиеты, то они продавались, поскольку в ИПБ не было принято хранить более одного экземпляра.

Надо также сказать о том, что В. А. Верещагин и без того имел свой «интерес» в придворных библиотеках – ему нужно было получить соизволение на воспроизведение экслибриса Николая II. Трудно поверить, но для этого в обязательном порядке требовалось разрешение Министерства императорского двора, которое должно было докладывать вопрос государю лично. Именно в связи с этим он ходатайствовал в 1902 году перед Министерством, в результате чего зав. канцелярией Министерства К. М. Злобин 8 мая обратился в Собственные библиотеки с официальным запросом: «Помощник статс-секретаря Государственного Совета Верещагин ходатайствует о разрешении ему воспроизвести в печатаемом им издании "О русских книжных знаках" – ex-libris его императорского величества государя императора. Препровождая при этом экземпляр оттиска означенного книжного знака, канцелярия, по приказанию министра императорского двора, имеет честь просить не отказать в сообщении, не встречается ли каких-либо препятствий к удовлетворению ходатайства г. Верещагина с возвращением оттиска»²⁷. Разрешение было получено, и знак оказался воспроизведен в книге В. А. Верещагина – но ценою многих хлопот.

Как указывают документы – не все исследователи получали разрешение на публикацию. Например, в 1917 году шталмейстер императорского двора и сенатор Рудольф Владимирович

²⁶ Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 2. Оп. 14-а (1903 г.). Отпуск документа; 5 июня 1903.

²⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 14-а (1902 г.). Д. 7. Л. 19.

Фрейман (von Freymann; 1860–1934), который к тому же был собирателем, художником и исследователем книжных знаков, написал очерк об экслибрисах для журнала «Столица и усадьба» (этот текст был напечатан анонимно и до сих пор считается таковым)²⁸. В качестве иллюстраций он воспроизводил более тридцати книжных знаков и 18 февраля 1917 года направил хранителю Собственных библиотек В. В. Щеглову следующий запрос: «В одном из ближайших номеров журнала "Столица и усадьба" появится написанная мною статья о книжных знаках (Ex libris). В статье этой даются короткие сведения об истории книжного знака у нас и за границею и пояснения его цене и значению как произведения искусства», в связи с чем просил разрешения воспроизвести книжный знак библиотеки Николая II работы А. Ф. Фелькерзама²⁹. Но 20 февраля ему был направлен отказ, поскольку тяжело больной В. В. Щеглов не имел возможности испросить высочайшего соизволения, и статья вышла без этого воспроизведения.

Таким образом, принадлежность гравированного знака библиотеке Екатерины II долгое время невозможно было ни подтвердить, ни опровергнуть. Именно в этом состоит причина того, что исследователи перепечатывали книжный знак по воспроизведению 1899 года.

Но после 1917 года положение изменилось: были национализированы императорские библиотеки, значительный поток книг из дворцовых собраний хлынул на антикварный рынок, их коллекционирование стало возможным (причем в 1920-е годы частное собирательство вообще переживало подлинную эпоху расцвета). По сути, именно с этого момента и началось исследование бывших императорских библиотек.

А в 1918 году свое мнение по поводу именно этого книжного знака выразил один из наиболее дотошных исследователей – В. Я. Адарюков (1863–1932), служивший с дореволюционных лет в Отделении гравюр Эрмитажа; он опроверг уже, казалось бы, устоявшуюся атрибуцию: «В прошлом наши книжные знаки не отличались ни богатством содержания, ни искусством выполнения, ни именами своих исполнителей. Художественных ex-libris'ов у нас чрезвычайно мало [sic!], к числу их надлежит отнести: пейзажные графа Безбородко, М. Андерсона, И. П. Бларамберга, Томона и др. Что касается указанного В. А. Верещагиным ex-libris'a императрицы Екатерины II, то такового она вовсе не имела, и описанный им – представляет из себя очень красивую

²⁸ [Фрейман Р. В.] Ex-libris'ы // Столица и усадьба: Журнал красивой жизни. Пг, 1917. № 77/78, 30 марта. С. 22–27.

²⁹ Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 2. Оп. 14-а (1917 г.). Д. 10. Л. 13.

виньетку»³⁰. Этот тезис в различных вариациях был им повторен и позднее – в 1921³¹ и 1924³² годах.

Вообще, несмотря на то, что Владимир Яковлевич был увлечен искусством книжного знака, а его работы ныне считаются классикой жанра, необходимо сказать и о том, что современники относились к его научным штудиям с заметным скепсисом; также заметим, что желание В. Я. Адарюкова «исправить» своих более именитых предшественников проходит нитью сквозь почти все его труды. Некоторые современники были по отношению к способностям исследователя и более категоричны, чего стоит его оценка в устах издателя журнала «Старые годы» П. П. Вейнера: «Совершенно непричастный к искусству, бывший военный, затем удельный чиновник, они ни в книжном, ни соседних с ним искусствах ровно ничего не знал, но, дослужившись до пенсии и выйдя в отставку, от нечего делать и для подсобного заработка поступил в Эрмитаж для временной работы по инвентаризации в Гравюрном отделении <...> Незнакомство его с искусством и его литературою выливалось в постоянные “открытия Америк”...»³³ Дипломатичнее был Э. Ф. Голлербах: «В. Я. Адарюков не слишком интересовался принципиальной стороной искусствоведения. Он воплощал собою тип старого служаки, который при любом режиме считает своим единственным долгом добросовестное исполнение порученных ему обязанностей. Не мудрствуя лукаво, не вдаваясь в технические дебри, он прилежно продолжал корпеть над собиранием бесчисленных справок, над составлением описаний и словарей. <...> Оценивать Адарюкова нужно именно в этой области. Нелепо было бы упрекать его в недостатке оригинальных мыслей и остроумных сопоставлений...»³⁴

Таким образом, если взять за необходимое в данном вопросе именно скрупулезность (а здесь мы можем быть уверены – многочисленные дополнения к капитальным справочникам суть неоспоримое доказательство), то В. Я. Адарюков должен был иметь основания для такого вывода. Вероятно, решающим было

³⁰ Адарюков В. Я. Книжные знаки (Ex-libris) // Каталог книжных знаков (Ex-libris) / Выставка института худож.-научн. экспертизы. Пг, 1919. С. 10.

³¹ «Во избежание недоразумений и излишних поисков для коллекционеров, надлежит сказать об ошибках, встречающихся в трудах В. А. Верещагина и У. Г. Иваска. Воспроизведенный в обоих изданиях книжный знак Екатерины II никогда не существовал, это виньетка ошибочно принятая за ex libris» (Адарюков В. Я. Русский книжный знак. М., 1921. С. 35).

³² «Воспроизведенный в обоих изданиях (В. А. Верещагина и У. Г. Иваска – П. Д.) книжный знак Екатерины II никогда не существовал: это виньетка, ошибочно принятая за ex-libris» (Адарюков В. Я. Русский книжный знак. II-е доп. и испр. изд. М., 1922. С. 40).

³³ Вейнер П. П. Библиографические листки. «Старые годы»: их история и критика... / Изд. Подг. И. А. Золотинкиной. СПб., 2008. С. 92-93.

³⁴ Голлербах Э. Ф. Встречи и впечатления / Сост. Е. С. Голлербах. СПб., 1998. С. 176.

личное знакомство с эрмитажными коллекциями, прежде всего – с Отделением гравюр, поскольку если бы императрица имела виньетку Шенберга своим экслибрисом, то она имела бы не только на книгах, но и на увражах. Вывод В.Я. Адарюкова подтвердился в дальнейшем – указанного «экслибриса» до сих пор не обнаружено на книгах, происходящих из собрания Екатерины II; и первый указатель книжных знаков императорской фамилии А. К. Соколовского³⁵ не включал этой гравюры, как и капитальный справочник русских книжных знаков С. И. Богомолова³⁶; хотя не все исследователи были столь категоричны и говорили о недостаточности исследования вопроса для поспешных выводов³⁷.

При этом еще раз стоит взглянуть на гравюру: композиционно она никак не противоречит тому, чтобы являться книжным знаком. Особенно же подкупает надпись *Ruthenica* на книжном шкафу (то есть – книги о России, в современном написании это была бы *Rossica*), что, безусловно, отражает увлечение императрицей источниками по русской истории, собирание летописей и собственные труды. На такую целостность и символичность композиции до сих пор обращают внимание исследователи эмблематики³⁸ (некоторые особенно смелые даже высказывают предположение, что автором проекта знака была сама императрица)³⁹.

Впрочем, в работе У. Э. Батлера, который считает этот знак «неплохой гравюрой, но вовсе не экслибрисом», мы с удивлением читаем такое «доказательство»: «Семантика самого слова "Ruthenica" никакого отношения ни к русским, ни к России не имеет. Это слово – рутены, русины – означает жителей Закарпатья. Двусмысленность самого термина заставляет задуматься, а не применил ли его художник специально, чтобы подчеркнуть полное поглощение Екатериной украинских земель после ликвидации гетманства, последнего оплота национальной автономии? От этого предположения трудно отмахнуться»⁴⁰.

³⁵ Соколовский А. К. Книжные знаки б. императорской фамилии // Труды ЛОЭ. Л., 1927. Вып. IX–X. С. 49–52.

³⁶ Богомолов С. И. Российский книжный знак 1700–1918. М., 2004.

³⁷ Кадочигова О. М. Книги из библиотеки Екатерины II в собрании отдела редких книг Зональной научной библиотеки Уральского федерального университета // Информационное обеспечение науки: новые технологии: Сборник научных трудов / [Библиотека по естественным наукам РАН]. Екатеринбург, 2012. С. 309–321.

³⁸ *Сатра Р. Heraldry, Insignia, and the Rise of the Russian Emblem // Emblem Studies in Honor of Peter M. Daly / Saecula Spiritalia*, 41. Baden Baden, 2002. P. 36.

³⁹ См.: Федорова В.И. О книжном знаке Екатерины II // Страницы истории русской художественной культуры: Сб. научн. трудов. СПб, 1997. С. 94–99.

⁴⁰ Батлер У. Э. Экслибрисы Екатерины Великой // Библиофильские известия. М., 2012. № 14. С. 6–7.

От предположений в таком духе и правда – не отмахнешься. Как не отмахнешься и от того, что именно так на латинском языке несколько веков обозначалась Россия (в отличие от Московии). Например, когда в 1484 году папа римский Сикст IV писал польскому королю Казимиру IV относительно слухов о посланниках московского государя Ивана III, отправленных в Рим с целью получения от римского престола права называться царем или императором Всероссийским, то в оригинале это звучит именно как ...*quod dux Moskwie oratores ad nos misit, petiturus a nobis imperialem sive regalem dignitatem in tota Ruthenica natione...*⁴¹ Герберштейн в «Записках о Московии» называет русский язык *Ruthenica lingua*⁴²; Академический словарь русского языка также указывает, что *Ruthenia* – средневековое название России⁴³. В XVIII веке это слово сохраняется (изданное Иоганном Амманом в 1739 году в Петербурге описание произрастаний империи так и называется *Stirpium rariorum in Imperio Rutheno...*), и лишь в XIX веке становится архаизмом.

Также надо отметить, что хотя У. Э. Батлер и пишет, что «ни государственные, ни частные коллекции не располагают оригиналом гравюры», он без всяких ссылок указывает ее размер (77x80 мм); В. В. Худолей также указывает этот размер, но хотя бы говорит, что описание он почерпнул из рукописи экслибрисиста Н. М. Спиченко⁴⁴ (последний же, как мы полагаем, указывает размер по воспроизведению 1899 года). В любом случае, подлинного размера этого листа мы тоже не знаем, поскольку воспроизведение не всегда соответствует величине оригинала, и искажение размера фотография может быть не свойством оригинала, а результатом фотографирования для изготовления цинкографского клише.

Кроме того, есть еще один неизвестный момент в истории этого знака, который заставляет лишний раз задуматься: хотя гравюра была впервые воспроизведена в 1899 году, но известна-то она была еще раньше. Дело в том, что ее описание было опубликовано в 1875 году выдающимся исследователем русской гравюры А. А. Васильчиковым (1832–1890), который в 1879–1888 годах был директором императорского Эрмитажа. Он поместил описание этого листа в своей фундаментальной работе «Алфавитный указатель русских портретов»⁴⁵. Хотя это символическое изображение, но в указанном труде в приложении к описаниям гравированных портретов

⁴¹ *Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum historiam illustratia... Depromta collecta ad serie chronologica desposita ab A. Theiner. Romae, 1861. T. II. No CCLVII. P. 230.*

⁴² *Herberstein S. Rerum Moscoviticarum Commentarii... Basileae, [1556]. P. 16.*

⁴³ Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1961. Т. 12. Стб. 1587.

⁴⁴ Худолей В. В. Указ. Соч. С. 176; Спиченко Н. М. Экслибрисы членов бывшей императорской фамилии. Л., 1986. Машинопись.

⁴⁵ *Wassiltschikoff A. Liste alphabetique de portraits russes. T. I. SPb, 1875. P. 248.*

Екатерины II автор ввел раздел «разные гравюры, повествующие о царствовании Екатерины II». Трудно понять, почему никому ранее это описание не попадало на глаза; возможно, по причине французского языка, на котором издан этот труд, но с большей вероятностью потому, что вышедший в 1886–1889 годах «Подробный словарь русских гравированных портретов» Д. А. Ровинского превзошел полностью двухтомник А. А. Васильчикова и полностью заменил его для любителей иконографии и исследователей гравюры. Тем не менее, труд А. А. Васильчикова хотя и менее полон, но включает листы, которые Д. А. Ровинский счел излишними, в том числе и интересующий нас. Мы читаем там следующее описание: Лист в 12-ю долю листа; круглый медальон, гравирован на меди... Далее идет описание листа в деталях, а завершает исследователь следующим: «Probablement la marque de la bibliotheque de l'impératrice» – то есть «Вероятно, знак библиотеки императрицы».

Здесь для нас, несмотря на лаконичность, много любопытного. Во-первых, это все-таки отдельный лист; во-вторых, по всей вероятности, Х. Шенберг никакого отношения к этому листу не имеет; в-третьих, именно А. А. Васильчиков в 1875 году высказал мнение, что эта гравюра могла быть книжным знаком императрицы.

Таким образом, вопросов в данном случае оказывается больше, нежели ответов. И, несмотря на «приговор» В. Я. Адарюкова, история с этой гравюрой до сих пор не окончена – это произойдет только в тот момент, когда выяснится, откуда именно она явилась. Нам, по крайней мере, несмотря на поиски, найти ее оригинал до сих пор не удалось, и пока мы можем только констатировать, что для книг библиотеки Екатерины II эта гравюра не употреблялась. При этом науке известны случаи, когда книжный знак был изготовлен, но сохранился лишь в пробных оттисках. В любом случае, мы предлагаем всякие категорические суждения считать лишь предположениями, а не доказательствами.

II

Весной 1996 года в информационном бюллетене библиотеки Йельского университета «Nota Bene» в качестве иллюстративного фона был воспроизведен экземпляр из коллекции экслибрисов Йельского университета, аннотация к которому гласила: «Книжный знак русской императрицы Екатерины Великой (1729–1796)»⁴⁶ (илл. 2). Выглядело все достаточно правдоподобно: гравированный герб Российской империи с начертанным по-французски титулом: «Catherine Alexiewna II, Impératrice de toutes les Russies»; постепенно знак начал публиковаться и в других изданиях. При

⁴⁶ TL [Tatjana Lorkovic]. Russian Library tribute // Nota Bene: News from Yale Library. New Haven, 1996. Volume X. No 2. P. [5].

Илл. 2 – Книжный знак Екатерины II
из коллекции Йельского университета

этом следует сказать, что экслибрис этот сохранился в Йельском университете не на книге, а уже на коллекционном планшете, как часто бывает со снятыми с книг знаками.

В среде специалистов эта находка не вызвала никакой реакции (по прежней причине – на книгах императрицы не встречается никаких экслибрисов). Но хронологически появление этой гравюры совпало со временем увлечения энтузиаста экслибрисистики В. В. Худолея императорскими книжными знаками; и он не только не мешкая поместил этот знак в число экслибрисов Екатерины II, но и неоднократно в своей работе утверждал, что принадлежность экслибриса «царственной владелице не вызывает сомнений»⁴⁷ – уж очень ему хотелось стать первооткрывателем.

Обратимся теперь к статье У. Э. Батлера. Наиболее показательна для нашего рассказа следующая фраза: «У автора этих строк не было никаких оснований сомневаться в подлинности экслибриса, который он увидел на 180 странице книги Худолея, но очень хотелось увидеть оригинал»⁴⁸. Чтобы продемонстрировать стиль автора, продолжим цитату: «Эта возможность появилась 9 мая 2012 года, когда я имел честь и удовольствие читать лекции в Йельском университете в связи

⁴⁷ Худолей В. В. Книжные знаки семьи Романовых. СПб., 2003. С. 12.

⁴⁸ Батлер У. Э. Указ. Соч. С. 9.

с выставкой "Памятники Императорского Русского Законодательства", где я был сокуратором с Михаэлем Уайд и куратором отдела редких книг Лилиан Гольдман. В число экспонатов, по моей настоятельной просьбе, был включен предполагаемый екатерининский экслибрис, не только потому, что он связан с тематикой выставки, но и для того, чтобы я мог его увидеть»⁴⁹. Надо ли говорить, что в этой же статье уважаемый специалист по русскому праву неоднократно называет Полное собрание законов Российской Империи «Полным сводом законов», то есть не сильно различает между собой два знаменитых памятника русского законодательства – Полное Собрание Законов (все акты в хронологическом порядке) и Свод Законов (только действующие акты, собранные тематически).

Но вернемся к совершенно излишней в данном случае «экспертизе de-visu» (дефис – У. Э. *Батлера*). Во-первых, для усиления своей позиции автор начинает со слов, что «вопреки утверждению Худолея, ни в какую книгу экслибрис не вклеен», хотя В. В. Худoley отдельно оговаривал это обстоятельство. И хотя «по репродукции в книге Худолея гравюра может быть экслибрисом», увидев, он переменяет мнение: «Мгновенная реакция была проста – никакой это не экслибрис. Это – вырезка из другого источника...»⁵⁰ Наиболее веским аргументом автор предъясвляет именно то, что гравюра хранится отдельно от книги, что-де необычно и доказывает чуждость этой гравюры.

Вероятно, если бы этот знак был наклеен на любую ничего не стоящую антикварную книгу, то он был бы признан подлинным. Хотя тот же В. Я. Адарюков, которого с неверными ссылками увлеченно цитирует автор, писал о практике начала XX века иное: «Что касается хранения ex-libris'ов, то весьма многие наши коллекционеры имеют обыкновение наклеивать их по мере поступления на большие листы кардона[так!], что не только некрасиво, но и неудобно для справок. Бесспорно, лучше каждый ex-libris наклеивать на лапках на отдельный лист бристоля, с указанием под ним, кем и когда исполнен»⁵¹.

Изложим свою точку зрения. Прежде всего, если взглянуть на этот знак, то мы сразу должны отметить (и даже газетной иллюстрацией нам было для этого достаточно) несоответствия законам геральдики. Их тут немало, но вопиющих – как минимум два.

Первое – корона, которая покрывает герб. Если российский государственный герб со времен Петра Великого покрывается императорской короной, то герб в этом знаке покрыт королевской.

⁴⁹ Там же. С. 9–10.

⁵⁰ Там же. Указ. Соч. С. 10.

⁵¹ Адарюков В. Я. Книжные знаки (Ex-libris) // Каталог книжных знаков (Ex-libris) / Выставка института худож.-научн. экспертизы. Пг, 1919. С. 14.

Илл. 3 – Герб на переплете, изготовленном во Франции для поднесения Екатерине II

Такие варианты короны встречаются и на переплетах книг, которые были изготовлены для поднесения Екатерине II за границей (илл. 3). Второе – это фантазийное изображение цепи ордена святого Андрея Первозванного, которая положена вокруг герба (цепь скорее отдаленно напоминает орден Золотого Руна, где изображены пламенеющие кремни). Достаточно любой из двух этих грубейших ошибок, чтобы сказать о европейском происхождении этого гравированного изображения. Безусловно и то, что знак с такими геральдическими ошибками не мог употребляться в качестве книжного знака русской императрицы.

Можно возразить: а если знак был изготовлен за границей, отпечатан, но из-за геральдических ошибок не получил распространения? В целом такая версия имеет право на существование. Именно поэтому требуется ровно то, что может однозначно решить вопрос первого знака – указание точного источника, откуда происходит данная гравюра. Попытаемся это установить.

Вообще, нам не слишком легко понять, почему российский герб изображен с такими ошибками: ведь на многих источниках XVIII века (в особенности – на гравированных портретах русских монархов; ну и, конечно, на монетах и медалях) герб в большинстве случаев выполнен верно; да и отношение к геральдике как к

Илл. 4 – Герб России
из немецкого месяцеслова 1764 года

точной науке серьезно культивировалось в дворянской культуре XVIII века. Тем не менее, мы знаем несколько аналогов такого же ошибочного герба. Например, в Германии в XVIII веке мы отмечаем большое число «российских гербов» этого типа (*Des Russischen Reichs Wappen*) – они публикуются в исторических месяцесловах, начиная с 1720-х годов⁵²; а когда в 1760-х годах эти месяцесловы начали издаваться при участии видных геральдистов И. К. Гаттерера (1727–1799) и И. Зейфарта (1727–1786), то это же самое изображение (но уже новая доска) попало и в их издание⁵³ (илл. 4). Эта же доска была использована в 1772 году И. Зейфартом

⁵² *Der durchlauchtigen Welt zum siebzehndenmal neu vermehrter und verbesserter Geschichts-, Geschlechts-, und Wappen-Kalender auf das Jahr...1727.* Nurnberg, s.a. F.7v; Аналогичный герб, но с подписью «Wapen des Zaars in Rusland» – *Trier J. W. Einleitung zu der Wapen-kunst...* Leipzig, 1729. (Воспр.: *Геральдическая книга в Эрмитаже: Каталог выставки / Государственный Эрмитаж.* СПб, 2005. С. 33.)

⁵³ *Fortgesetzter Wappen-Calender auf das Jahr 1764 oder jährliches Handbuch der neuesten Genealogie und Heraldik...* Nurnberg, 1764. Taf. [2].

в изданном им гербовник⁵⁴. Что касается ордена св. Андрея Первозванного, то его фантазийное изображение также отмечается нами – например, в переиздании труда К.-Ф. Менестрие⁵⁵.

И хотя попадание в немецкий гербовник искаженного варианта российского герба и удивительно, но намного более странным было увидеть аналогичное изображение в иллюстративном приложении к знаменитой Энциклопедии Дидро и д'Аламбера, где геральдическому искусству была посвящена подробная статья. Том с иллюстрациями (*planches*) к этой статье вышел в свет в 1753 году, и на XV-й таблице российский герб изображен наряду с гербами других европейских монархий⁵⁶ (илл. 5); гравировал этот лист Робер Бенар (Benard; 1734-?), выполнивший огромное число иллюстраций для Энциклопедии. На этом гербе также имеется надпись: «*Elisabeth Petrawna Impratrice de toutes les Russies*».

Если сравнить воспроизведение из Энциклопедии Дидро и д'Аламбера с тем знаком, который был опубликован в 1996 году в новостях библиотеки Йельского университета, то налицо их ближайшее сходство. Единственное принципиальное отличие – надпись: в Энциклопедии это имя Елизаветы Петровны, а на «экслибрисе» – Екатерины Алексеевны. Как можно предположить, содержание надписи в данном случае диктуется годом издания гравюры; по крайней мере, выход тома иллюстраций к Энциклопедии (1753) вписывался в такую теорию.

Определенную трудность представляло для нас то обстоятельство, что если собственно Энциклопедия доступна без особых сложностей (как в оригинале, так и в цифровой копии), то более поздние французские реплики второй половины XVIII века представлены значительно хуже. Нам пришлось просмотреть много различных изданий, но никак не получалось найти нужный том иллюстраций к *Encyclopedie methodique*, которую начал в 1782 году издавать Ш.-Ж. Панкук (1736–1798), и где, судя по оглавлению, должны были находиться таблицы к статье «Искусство геральдики». По крайней мере в России мы его не нашли; экземпляр Британской библиотеки (единственный) оказался не только вывезен в загородное хранилище, но и заштабелирован (мы в свое время так и не смогли его получить); и лишь в Национальной библиотеке в Париже (в Библиотеке Арсенала) сохраняется исправный экземпляр, с которым мы смогли ознакомиться.

⁵⁴ Fortgesetztter Wappen-Calender auf das Jahr 1764 oder jährliches Handbuch der neuesten Genealogie und Heraldik... Nurnberg, 1764. Taf. [2].

⁵⁵ Menestrier C.-F. Nouvelle méthode raisonnée du blason ou l'art héraldique... A Lyon, 1770. Pl. 43, fig. 5.

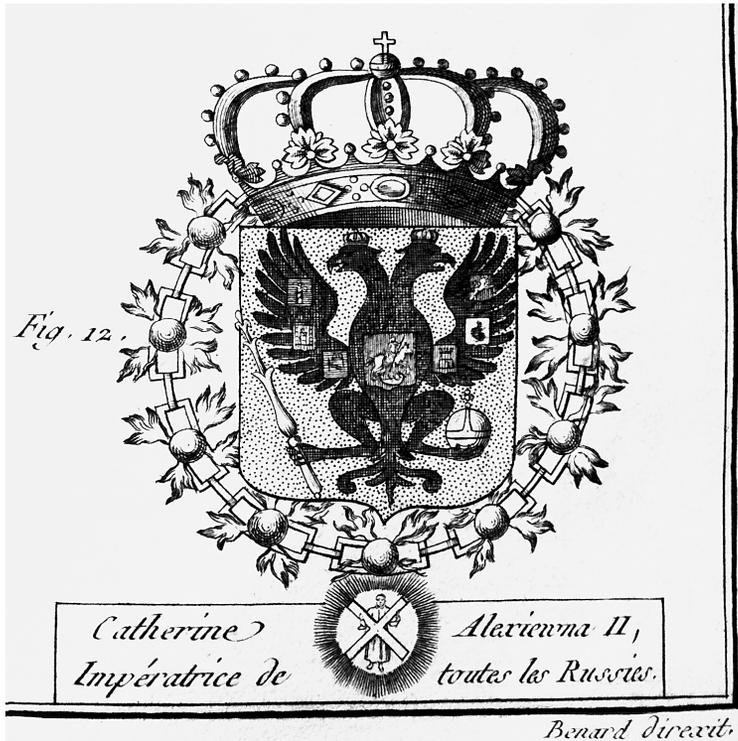
⁵⁶ Recueil de planches, sur les sciences, les arts liberaux, et les arts mechaniques, avec leur explication. Seconde livraison, premiere partie. Paris, 1753. Section "Blason ou art heralitique", pl. XV, [fig. 12].

Илл. 5 – Герб Елизаветы Петровны
из Энциклопедии Дидро и д'Аламбера, 1753

И в седьмом томе иллюстраций к Энциклопедии Панкука мы нашли ту самую гравюру, которая представляет собой неверно начертанный русский герб, внизу которого указано: «Catherine Alexiewna II, Impératrice de toutes les Russies»⁵⁷ (илл. 6). Выполнена она, судя по подписи, под руководством того же Р. Бенара и представляет собой перегравировку с герба 1753 года (именно перегравировку, а не второе состояние доски; в несколько меньшем размере, поскольку это издание уже ин-кварто); кроме изменения подписи, каждый из двенадцати гербов этой таблицы был пронумерован гравером. Именно по этой причине на «экслибрисе» Йельского университета слева от герба имеется заметная потертость – там была надпись «Fig. 12», которую фальсификатору было необходимо соскоблить, дабы выдать гравюру за книжный знак.

⁵⁷ Recueil de planches de l'Encyclopedie par ordre de matieres. Paris; Liege, 1789. T. VII. Section "Blason ou art heraldique", pl. 15, fig. 12.

Илл. 6 – Герб Екатерины II
из Энциклопедии Панкука, 1789

Таким образом, в данном случае все же удалось найти то единственное доказательство, которое однозначно указывает, что граюра из коллекции Йельского университета не является книжным знаком императорской библиотеки.

III

Если вопрос о книжных знаках Екатерины II, как можно видеть, давно является предметом как исследования, так и ожесточенных споров, то об экслибрисе ее убитого супруга – императора Петра III – ничего не известно вовсе. Имелись только сведения о суперэкслибрисе, описание которого после невнятных упоминаний в литературе было в 1997 году опубликовано И. И. Зайцевой⁵⁸. Это шрифтовой

⁵⁸ Зайцева И. И. Атрибуция суперэкслибриса Петра III // Эрмитажные чтения памяти В. Ф. Левинсона-Лессинга (2.III.1893 – 27.VI.1972): Краткое содержание докладов / Государственный Эрмитаж. СПб, 1997. С. 44–47.

знак, представляющий собой литеры CPU (то есть его инициалы до миропомазания – Carl Peter Ulrich) в пальмовых ветвях под короной; он может быть датирован временем только до приезда Петра Федоровича в Россию, то есть до 1742 года. Вероятно, книги с этим суперэкслибрисом были привезены в Россию из Киля в 1746 году вместе с библиотекой его отца, а затем растворились в составе императорских книжных собраний (собственно собрание Петра III было перевезено из Ораниенбаума в Зимний дворец по указу Екатерины II в 1792 году)⁵⁹.

Но никогда не было и речи о том, чтобы у великого князя Петра Федоровича был собственно экслибрис, да еще и в бытность в России. Тем не менее он существует, и был обнаружен историком книги Сергеем Викторовичем Королевым в иностранном фонде РНБ на одной из итальянских книг, отпечатанной в 1757 году в Петербурге (экземпляр происходит из Эрмитажной иностранной библиотеки)⁶⁰. Это гербовый экслибрис, гравированный офортом, представляет собой Российский герб – двуглавого орла под императорской короной, на груди которого положен овальный щит с изображением «померанцевого дерева» – апельсинового дерева в кадке (илл. 7). Размер его с полями – 86x73 мм.

Признавая исключительную важность открытия, сделанного С. В. Королевым, приносим ему свою благодарность за возможность опубликовать изображение этого экслибриса, тем более что мы некоторое время назад, просматривая насквозь материалы канцелярии Академии наук, выписали архивные сведения, но не понимали, к чему именно они относятся. Теперь же появилась возможность соединить найденный книжный знак с выявленными ранее документами.

Этот экслибрис, выполненный для двора великого князя Петра Федоровича, представляет собой герб Ораниенбаума – загородной резиденции великого князя с 1743 года. Собственно гербом и является именно померанцевое (апельсиновое) дерево – по-немецки *Oranienbaum*. Поскольку выполнением заказов кабинета ее императорского величества на печатание книг, пригласительных и маскарадных билетов занимались департаменты императорской Академии наук и художеств, то и заказы «малого двора» оказываются отражены в тех же материалах.

И действительно, 16 июня 1757 года в академическую канцелярию подал рапорт подмастерье Фигурной палаты Илья Семенович Рукомойкин (1725–1757). Как следует из названия, палата эта занималась печатанием «фигур» – гравюр для изданий Академии,

⁵⁹ Щеглов В. В. Собственные его императорского величества библиотеки и арсеналы: Краткий исторический очерк, 1715–1915. СПб., 1917. С. 18.

⁶⁰ *Bonacchi J.* Bellerophon: Opera represente sur le theatre d'Oranienbaum... SPb, 1757. (РНБ, Rossica, шифр 6.13.1.452).

Илл. 7 - Книжный знак Петра III,
1757

а также просто листовой или же акцидентной продукции; приведем текст рапорта: «По приказу канцелярии Академии наук велено напечатать от Ораненбомского герба шестьсот экземпляров, от которого и напечатано, и за напечатание надлежит взять с каждого экземпляра по одной копейке»⁶¹.

И в том же году было отпечатано еще триста экземпляров, о чем 28 июля 1757 года записано в Журнале Канцелярии Академии: «По репорту подмастерья Ильи Рукомойкина, при котором взнес напечатанных абдрукков Оринимбомского герба триста, и при том объявил, что за напечатание оных абдрукков надлежит взять три рубли, а бумаги употреблено почтовой одна десть... всего за напечатание и бумагу взять надлежит три рубли двадцать три копейки; Приказали: оные деньги поставить на счет его императорского высочества благоверного государя и великого князя Петра Феодоровича»⁶².

⁶¹ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 222. Л. 219.

⁶² Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 527. Л. 259.

Возможно, тираж допечатывался и еще, но в данном случае, несмотря на хорошо сохранившиеся документы, существует трудность: заказов от малого двора было немало, а потому часто счета не отражают необходимых нам подробностей, а лишь указывают число отпечатанных в фигурной палате абдрукров, награвированных в Гравировальной палате «дощечек», отпечатанных в типографии листовых изданий в целом на промежутки времени.

Тем не менее, указанных документов вполне достаточно, чтобы идентифицировать эту гравюру, а также установить точную дату изготовления – 1757 год. Что касается эскиза для гравюры, то выполнялся он, по всей вероятности, мастером Рисовальной палаты Академии наук и художеств Иоганном Элиасом Гриммелем (1703–1759), приглашенным в Россию в 1741 году Якобом Штелиным. Сам же Штелин, несомненно, участвовал в этой работе самым активным образом, поскольку он был одним из ближайших к Петру Федоровичу лиц. Собственно, Штелин как один из руководителей Академии наук (член Академической канцелярии) и в тот момент официально библиотекарь Петра Федоровича, вряд ли доверил такое дело кому-то иному. По крайней мере сам он характеризует Гриммеля следующим образом: «В искусстве рисования карандашом, сангиной или тушью заключалась его истинная сила. В этих техниках он компоновал и рисовал начисто бесчисленные указания и проекты моих аллегорических, исторических инвенций для медалей, фейерверков, иллюминаций, плафонов, триумфальных ворот (а также виньетки и заглавия для академических книг) и т.п. для двора и знатных частных лиц»⁶³.

Что касается собственно гравирования этого «Ораниенбаумского герба», то производилось оно в Гравировальной палате Академии наук и художеств. Отсутствие подписи гравера не позволяет нам определить имени мастера точно, но стоит предположить, что это был один из опытных граверов на меди Гравировальной палаты; но поскольку лучший из них – Г. А. Качалов (1711?–1759) – как раз в тот момент тяжело болел, а его предшественник – один из наиболее даровитых русских мастеров И. А. Соколов (1717–1757) – умер незадолго до этого (4 февраля), то остается подмастерье Гравировальной палаты Яков Васильевич Васильев (1730–1760).

Мы не можем сказать уверенно, для чего был заказан этот знак, и почему он впоследствии не был нанесен на все книги, сохранившиеся в Ораниенбауме. По-видимому, он был частью декораций жизни малого двора, еще одним символом увлечения Петра III геральдикой или же попыткой его библиотекаря – Якоба Штелина –

⁶³ *Малиновский К. В.* Художественные связи Германии и Санкт-Петербурга в XVIII веке. СПб, 2007. С. 278.

вести книжный знак для дворцовой библиотеки в Ораниенбауме, которая не получила должного продолжения. В любом случае, перед нами – хронологически первый и единственный печатный экслибрис русского монарха XVIII столетия.

IV

Но каким же печатным экслибрисом в действительности начинается история Эрмитажного собрания? Хотя энтузиасты отказываются верить, что экслибриса Екатерины II не существует («Согласиться с этим ну просто никак невозможно, а потому поиски продолжаются»⁶⁴), нам остается заметить, что не каждый монарх, в отличие от господ библиофилов, спешит постоянно самоутверждаться посредством наклеивания экслибрисов на книги. И Екатерина Великая, которая заботилась о формировании книжных собраний сына и невестки, затем внуков, и даже своего нежно любимого А.Д. Ланского, совершенно не подумала о том, чтобы изготовить книжный знак собственной библиотеки. Вряд ли стоит тому удивляться – ей принадлежало все в этой огромной стране, а тщеславие свое она тешила на других поприщах.

Мысль о том, чтобы снабдить разросшееся книжное собрание нескольких поколений монархов книжными знаками, возникла только в середине XIX века, и принадлежит она хранителю Эрмитажной библиотеки Карлу Ивановичу Седжеру (Sayger; 1788–1840).

Седжер, природный англичанин, в 1813 году был приглашен на русскую службу в должность преподавателя английского языка для императрицы Елизаветы Алексеевны, а также великих князей Николая и Михаила Павловичей; в 1818–1819 годах он был секретарем Николая Павловича, в 1820 принял русское подданство; в 1821–1825 состоял в должности хранителя библиотеки великого князя, а с его воцарением получил «свободный вход в эрмитажные библиотеки» и дозволение «иметь смотрение за каталогами оных»⁶⁵, стал заведующим императорскими арсеналами, а с 1837 – библиотекарем Эрмитажной библиотеки (собственно – начальником I Отделения Эрмитажа, куда входили и библиотеки). Он был создателем Царскосельского Арсенала – излюбленной коллекции Николая I. Карл Иванович был очень деятельный и аккуратный хранитель, «был любим императором Николаем I на протяжении всех лет службы»⁶⁶, а потому очередное, после Арсенала, важное поручение государя – привести в порядок эрмитажные библиотеки

⁶⁴ Батлер У. Э. Указ. Соч. С. 6.

⁶⁵ Павлова Ж. К. Императорская библиотека Эрмитажа... С. 63

⁶⁶ Павлова Ж. К. Флориан Жиль и Императорский Эрмитаж. Жизнь и судьба. СПб, 2010. С. 87.

– он исполнял безупречно: 1 июня 1837 года был подписан императорский указ о реорганизации эрмитажных книжных коллекций, в основу которого легла записка К. И. Седжера.

«Активный и ответственный Седжер планировал создать генеральный каталог, который объединил бы библиотеки Екатерины II, Павла I и Александра I, а также создать специальные каталоги книжных собраний Дидро и Вольтера. Но вскоре выяснилось, что библиотеку Дидро выделить из общего фонда екатерининских книг уже невозможно, а книжное собрание Павла I погибло в пожаре Зимнего дворца. В это же время для упорядочивания и систематизации ценного собрания по заказу нового заведующего К. Седжера были заказаны новые шкафы, подшкафники, столы для фолиантов и эстампов»⁶⁷.

В череде этих нововведений К. Седжером был поднят вопрос о необходимости изготовления книжных знаков для эрмитажных библиотек; причиной тому послужило стремление обезопасить книги от расхищения – «зачитывание» к тому времени стало настоящим бичом, а при отсутствии каталогов и охранительных книжных знаков бороться с этим можно было лишь в том случае, когда шкафы стояли годами закрытыми наглухо. Наиболее серьезной трудностью стал значительный объем библиотек (как мы увидим ниже, именно в это время дворцовые библиотеки преодолели сотысячный рубеж). Причем идея об изготовлении штампа для отметки книг была отвергнута – для хранителя было важно не только указать, откуда книга происходит (с этим, безусловно, штамп бы «справлялся»), но и отметить на каждом томе его точное местоположение (шкаф, полка, номер), а также инвентарь по рукописному каталогу (том, страница). Поскольку такие подробности также требовали отдельного ярлыка, то и было решено остановиться на печатном экслибрисе, где для всей этой информации было бы отведено свое место. Отдельный вопрос – упорядочить книги в рамках конкретной книжной полки и предотвратить всякую путаницу, для чего К. Седжер счел необходимым снабдить корешок каждой книги ярлычком в верхней части, на котором будет написан порядковый номер книги на полке; формой этой наклейки был избран не круг или овал, но «звездочка» – горизонтальный овал с лучами влево и вправо.

Оставалось только привести в действие этот план. К. Седжер решил посоветоваться с переплетчиком и футлярным мастером, природным немцем Паулем Штемпелем (Stempel), который в тот момент привлекался для переплета книг дворцовых библиотек. Именно П. Штемпель, по-видимому, приискал и мастера, который исполнил книжный знак в соответствии с требованиями

⁶⁷ Там же. С. 97–98.

придворного библиотекаря. Это оказался его соотечественник – гравер Отто Липпе (Lippe; 1807–1876), основной специальностью которого было изготовление визитных карточек, бланков и прочей акцидентной продукции посредством гравюры на металле. В тот момент его мастерская располагалась на Невском в доме Мадзини (к середине века он переехал в дом Малахова на Большой Морской и лишь в 1860-х годах смог устроить мастерскую в собственном доме на Гороховой). Нам представляется, что гравер выполнил доску с книжным знаком еще тогда, когда задуманное К. Седжером дело находилось на предварительной стадии⁶⁸.

8 февраля 1839 года К. Седжер начал предметный разговор с Придворной конторой, поскольку снабжение всех книг ярлыками оказалось накладным предприятием:

«По окончании ныне установки библиотек вольтеровой и большой эрмитажной по библиографической системе, совершенно необходимо, дабы иметь возможность составить надлежащие каталоги и предупредить на будущее время всякий беспорядок, снабдить каждую книгу, по препровождаемому при сем образцу, в середине ярлыком, означающим шкап и полку, где она поставлена и по мере книги (то есть по формату – П.Д.), а снаружи на корешке звездочкой, на которой должен быть повторен тот же номер книги, под которым она будет значиться и по каталогу, где также имеют быть показаны шкап и полка.

Работа сия, которая для сохранения в библиотеке надлежащего порядка совершенно неизбежна, обойдется, по представляемой при сем смете переплетчика Штемпеля за все 100 000 томов, из коих состоят сии библиотеки, в три тысячи пятьсот рублей»⁶⁹.

Действительно, к рапорту прилагалась и смета переплетчика на звездочки и ярлыки (2000 рублей), а также на работы по их нанесению на книги (еще 1500 рублей). Когда вскоре обергофмаршал князь Н. В. Долгоруков докладывал вопрос министру императорского двора и управляющему Кабинетом его величества – светлейшему князю П. М. Волконскому, того испугала огромная цифра за сущие, казалось бы, мелочи; его смутили и две тысячи рублей за какие-то ярлычки, ну а особенно – полторы тысячи рублей, которые планировалось заплатить Паулю Штемпелю с подмастерьями за их наклейку. В результате К. Седжер согласился с тем, что для наклеивания экслибрисов и звездочек можно будет привлечь писцов Придворной конторы. Гравер также пошел на серьезные уступки, о чем 4 марта было сообщено К. Седжеру:

⁶⁸ Иначе мы не можем объяснить того обстоятельства, что на этих знаках указан 1838 год. См. *Богомолов С. И.* Указ. Соч. С. 943.

⁶⁹ Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 1. Оп. 1 (1838 г.). Д. 20. Л. 13–13 об.

«Вместо 2000 рублей, испрашиваемых вашим превосходительством на отпечатание 100 000 ярлыков и столько же звездочек для книг Эрмитажной библиотеки, гравер Отто Липпе вызвался выгравировать на медной доске означенные ярлыки и звездочки и отпечатать по 100 000 экземпляров оных за 850 рублей с употреблением его бумаги, и за 800 рублей, если ему будет отпущена казенная бумага, в чем и дал подписку. Почему его светлость [князь П. М. Волконский] препроводив к его сиятельству обер-гофмаршалу [князю Н. В. Долгорукову] означенную подписку, просит приказать призвать гравера Липпе в Придворную контору и поручить ему гравирование и отпечатание помянутых ярлыков и звездочек. Следующие же ему за сие деньги заплатить из суммы, на покупку антиков определенной»⁷⁰.

В результате и появились первые экслибрисы эрмитажной библиотеки, которые были родственны по декоративному решению, но предназначались для различных частей эрмитажного собрания – «Императорская эрмитажная русская библиотека», «Императорская эрмитажная иностранная библиотека», а также отдельный экслибрис библиотеки Вольтера с текстом «Bibliothèque de Voltaire». Эти знаки, за исключением последнего, послужили образцом для последующих эрмитажных экслибрисов (Илл. 8).

⁷⁰ Там же. Л. 18.

Научное издание

П. А. Дружинин

О книжных знаках дворцовых библиотек
Екатерины II, Петра III, библиотеки Эрмитажа

Отдельный оттиск из книги:
«Тихие песни»
Историко-литературный сборник
к 80-летию Л. М. Турчинского
(ISBN 978-5-904007-11-9)

Москва, издательство «Трутень», 2014
119019, Москва Г-19, а/я 149
E-mail: info@truten.ru
Формат 60x90 1/16
2,0 печ. л
Печать офсетная
Тираж оттиска – 60 экземпляров

ISBN 978-5-904007-12-6 (Оттиск)

Отпечатано с оригинал-макета в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6.
Заказ №